

0- 779733

На правах рукописи

Мирсияпова Тансылу Ильясовна

**Экзистенциальные мотивы
в творчестве М.Ханафи**

10.01.02 — Литература народов Российской Федерации
(татарская литература)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань — 2009

Работа выполнена на кафедре теории и истории татарской литературы ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина»

- Научный руководитель:** доктор филологических наук, профессор
Ганиева Резеда Кадыровна
- Официальные оппоненты:** доктор филологических наук, профессор
Загидуллина Дания Фатыховна (г. Казань)
кандидат филологических наук, доцент
Шамсутова Алсу Атласовна (г. Казань)
- Ведущая организация:** ГОУ ВПО «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Защита состоится «17» декабря 2009 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 022.001.01 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан по адресу: 420111, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке Казанского научного центра РАН (Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31).

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ «17» ноября 2009 г. (http://www.test.antat.ru/type/show/sd_action). Режим доступа: свободный.

Автореферат разослан «17» ноября 2009 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000621106

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

А.А. Тимерханов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования. Начало XX века — эпоха кардинальных изменений в общественно-политической и духовной жизни российской и татарской действительности. Усиливается тесно связанная с джадидским движением вестернизация культуры и литературного процесса. Свойственные для татарской литературы предшествующих веков традиционализм и каноничность постепенно отходят на второй план. Доминировавший в средневековой татарской литературе восточный романтизм уступает место реализму и романтизму европейского образца и самым разным модернистским течениям, основанным на новых способах художественного отображения действительности. В результате сложного взаимопроникновения и взаимодействия западноевропейских и русских философских, литературно-эстетических концепций с мусульманскими духовными ценностями, литературными традициями возникает татарская ренессансная литература, ориентированная на национальное социокультурное развитие, а также утонченная в выборе изобразительных средств модернистская литература, «стремившаяся показать мир в «лучах заката» (Ю.Борев). «Особенностью литературного процесса этого периода является то, что в нем декаданс и ренессанс неразлучно сопровождают друг друга, взаимодействуя в творчестве одних и тех же писателей»¹. Действительно, возрожденческое крыло татарской литературы начала XX века повернулось «к восходящему солнцу», «к рассвету», поверив в осуществление национальных идеалов о возрождении, а модернистско-декадентское крыло — «к закату солнца», поставив в центр своих произведений экзистенциальные проблемы, отойдя от революционных и социально-политических тем, обратив внимание проблемам свободы личности и изображению противоречивого внутреннего мира современника.

По утверждению выдающегося итальянского философа, теоретика философии существования Н.Аббаньяно (1901–1990), «экзистенциализм — это философия тревоги, или безысходности», подчеркивающая

¹ Ганиева Р.К. Декадентские мотивы в татарской литературе (первая четверть XX в.) / Р.К.Ганиева // Милли мәдәният, 2005. — № 7. — С. 14.

наиболее респектабельные и наиболее грустные, порочные и прискорбные события человеческой жизни»¹.

Экзистенциальная философия и литература по содержанию и мировоззренческим установкам не едины. Ученые различают религиозную и атеистическую, негативную и позитивную разновидности экзистенциализма. Излюбленный мотив экзистенциальной философии и литературы — поиски смысла жизни и стремление к пониманию проблемы смерти, тесно переплетенной с темой судьбы. За эту особенность идеологи марксизма резко осуждали экзистенциализм. По мнению Н.Аббаньяно, создателя философии позитивного экзистенциализма, смерть в жизни человека «выполняет мобилизующую функцию», толкающую экзистенцию человека, в совокупности ситуаций в отношении с другими людьми, к жизни, реализации своих возможностей².

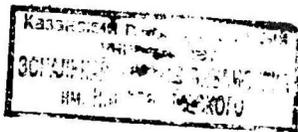
Трудно найти в татарской литературе начала XX века писателя, не затрагивающего в своем творчестве экзистенциальные вопросы. Среди них следует особо выделить творчество М.Ханафи, который гораздо глубже, чем кто-либо из современников, сумел раскрыть в своем творчестве суть философии существования.

Биографические сведения о Мухаммедханафи Кайбышеве (М.Ханафи, 1889–?) весьма скудны. Родился в деревне Чирши-Тартышево Бирского уезда Уфимской губернии, учился в медресе, в 1910 году окончил Уфимскую гимназию, в 1916 году — Казанский университет. Он — талантливый писатель, философ, публицист, переводчик, автор научно-публицистических работ. М.Ханафи был хорошо знаком с христианской и мусульманской цивилизацией, философией Древней Греции и Рима, с учениями А.Шопенгауэра и Ф.Ницше, «Золотым» и «Серебряным веком» русской литературы и философией XIX – начала XX в. За энциклопедические знания современники называли его «философом» и «теоретиком».

Врач по профессии, М.Ханафи писал рассказы, прозу в стихах (нэсер), научно-публицистические статьи, печатал их, в основном, в журнале «Аң» («Сознание»). Несмотря на то, что творческий путь писателя был очень краток, охватывал лишь 1912–1916 годы, он внес большой вклад в развитие модернистской литературы, в особенности в ее экзистен-

¹ Аббаньяно Н. Введение в экзистенциализм / Н.Аббаньяно.—СПб.: Алетей, 1998.— С. 455.

² Аббаньяно Н. Введение в экзистенциализм / Н.Аббаньяно.—СПб.: Алетей, 1998.— С. 16–17, 460–465.

циальное направление. К сожалению, его литературное наследие, богатое художественными открытиями и пронизанное философией существования, в советское время было запрещено и стало изучаться лишь в конце XX – начале XXI века.

Малоизученность жизненного пути (неизвестен даже год и место смерти) и философско-литературного наследия писателя обусловили необходимость осуществления диссертационного исследования на тему «Экзистенциальные мотивы в творчестве М.Ханафи».

Степень изученности темы. Биографические сведения о М.Ханафи отрывочны. Генеалогические данные о роде мурз-дворян Кайбышевых, некоторые биографические сведения о самом писателе были обнаружены в архивах царской охраны Башкортостана и Татарстана и в книге Г.Мансурова «Татарские провокаторы» (1927), в статьях журналистов М.Будайли и И.Рами, в переписке самого М.Ханафи с современниками. В советский период литературное наследие писателя не изучалось. Сведения о нем ограничивались отрицательными суждениями как о декаденте в трудах известных литературоведов Г.Халита и И.Нуруллина.

В постсоветское время возвращение литературного и научно-публицистического наследия М.Ханафи в татарскую литературу произошло в результате появления монографии профессора Д.Ф.Загидуллиной «Модернизм и татарская проза начала XX века», в которой были приведены биографические данные о жизни М.Ханафи, образцы текстов отдельных его рассказов и эссе, проанализированы философские воззрения, литературно-эстетические особенности модернистских произведений писателя¹. О наличии декадентских (но не реакционных, как это было принято в советском литературоведении) тенденций в творчестве М.Ханафи, сращенных с экзистенциальными проблемами, говорится в статье Р.К.Ганиевой «Декадентство»². Кроме того, некоторые особенности модернистских рассказов на тему любви были проанализированы в статье Р.К.Ганиевой и Т.И.Мирсияповой³.

Несмотря на определенные усилия ученых, современное татарское литературоведение делает лишь первые шаги в исследовании философско-литературного, научно-публицистического наследия

¹ Загидуллина Д. Ф. Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы / Д.Ф.Загидуллина.—Казан: Татар. кит. нәшр., 2003.—255 б.

² Ганиева Р.К. Декадентство / Р.К.Ганиева // Татарская энциклопедия.—Казан: Институт тат.энциклопедии, 2005.—С. 246–277.

³ Ганиева Р.К., Мирсияпова Т.И. / М.Хәнәфи ижатында экзистенциаль мотивлар / Р.К.Ганиева, Т.И.Мирсияпова // Милли модәният.—2006.—№ 10.—Б. 7–15.

М.Ханафи. Много еще неясностей в биографии писателя, ожидающих прояснения дальнейшими поисками в различных архивах России. Серьезное теоретическое изучение других мотивов в конечном счете дало бы возможность по-новому объяснить и раскрыть основные закономерности развития татарской ренессансной реалистической и романтической литературы европейского типа начала XX века в ее сложном соотношении с различными модернистскими течениями, экзистенциализмом в особенности.

Объектом исследования является изучение жизненного пути М.Ханафи, его философского, научно-публицистического наследия и литературного творчества.

Предметом исследования выступили экзистенциальные мотивы в модернистских и научно-публицистических произведениях М.Ханафи на тему любви во взаимосвязи с философскими, общественно-политическими, религиозно-национальными и морально-этическими проблемами.

Целью диссертационной работы является исследование экзистенциальных мотивов в творчестве М.Ханафи, представляющих многогранный синтез восточно-западных философско-эстетических и литературных традиций.

Достижения указанной цели обусловило постановку и решение следующих задач:

— изучение жизненного пути М.Ханафи, исследование его философских, художественных, публицистических произведений на основании документальных источников — архивных материалов, писем к друзьям, воспоминаний современников, редких книг, хранящихся в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского КГУ;

— подготовка текстологии рассказов, эссе, публицистических выступлений писателя, опубликованных в 1912–1916 годах на страницах журнала «Аң»;

— изучение обращения писателя к экзистенциальным размышлениям о судьбе татарской нации, о положении женской половины человечества в различных цивилизациях с точки зрения гендерного (социокультурного) подхода к проблеме;

— анализ экзистенциальных мотивов о любви, отраженных в произведениях М.Ханафи, через антиномию Эроса и Танатоса:

а) через призму философско-эстетических воззрений Штирнера, А.Шопенгауэра, Ф.Ницше, З.Фрейда и др.;

б) в духе древнегреческой натурфилософии, пантеизма, гилозоизма, учения стоиков о терпимости, платоновской идеи блага (добра) и любви.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в истории татарского литературоведения стало предметом историко-комплексного исследования такое уникальное художественное явление, как экзистенциальные мотивы творчества М.Ханафи, подвергнутые в советское время идеологическому остракизму — обвинениям и гонениям.

В процессе работы над диссертацией было установлено, что экзистенциальное миропонимание и мироощущение пронизывают не только художественные произведения М.Ханафи, но и его философскую, научно-публицистическую, переводческую деятельность. Он был не только мастером художественного слова, но и философом. В одном из писем к Г.Ибрагимову 27 января 1913 года он писал, что в будущем предпочтет заниматься философией и наукой, нежели литературой, и «созданием романов» («Килчәктә (хәзер дә шулай ук) минем каршында романнардан кадерле фәлсәфәләр, фән алда булачак»). С учетом философского характера творчества писателя нами было введено в научный оборот большое количество терминов и понятий, касающихся истории философии Востока и Запада, а также модернизма, в частности, его экзистенциального крыла. Кроме того, был осуществлен скрупулезный текстологический и философско-эстетический анализ модернистских рассказов, нэсер-эссе М.Ханафи. Несмотря на оригинальность литературно-философских открытий, почти сто лет экзистенциальное творчество находилось под запретом и вне поля литературоведческих исследований. Поэтому мы убеждены, что результаты диссертационной работы открывают новые перспективы для изучения татарской литературы начала XX века в контексте русско-европейского модернизма.

Теоретическую и методологическую основу диссертационного исследования составили герменевтика и компаративистика; кроме того, в процессе работы были использованы биографический, культурно-исторический, психологический методы, а также принципы рецептивной эстетики и эстетической интерференции. При сравнительном анализе рассказов М.Ханафи в центре научных поисков оказались теория вечного возвращения и мотив культа сильной личности Ф.Ницше, универсальный пессимизм А.Шопенгауэра, психоанализ З.Фрейда, а также литературно-эстетические воззрения философов и писателей русского «Золотого» и «Серебряного века».

В процессе работы мы опирались на труды ученых Н.Аббаньяно, Е.Трубецкого, Д.Галеви, Н.Бердяева, Ю.Борева, Т.Г.Румянцевой, Я.В.Унт, А.В.Перцева; обращались к книгам, монографиям, сборникам

статей татарских ученых Ю.Г.Нигматуллиной, Д.Ф.Загидуллиной, Р.К.Ганиевой, М.А.Саяповой, Ч.Зариповой-Четин, И.А.Гилязова.

Материалы исследования составили архивные источники, статьи, публицистические выступления на общественно-политические, научно-философские и религиозные темы, а также рассказы, очерки, эссе, переводы, рассказы в прозе (нэсер) на женскую и национальную тематику, письма и воспоминания современников. Основное внимание в работе было уделено сравнительно-типологическому анализу экзистенциальных мотивов произведений М.Ханафи на тему любви во взаимосвязи с философией Штирнера, А.Шопенгауэра, Ф.Ницше, психоанализом З.Фрейда, а также с натурфилософскими, стоическими, платоническими воззрениями древних греков и эллинов, ставших популярными на новом витке литературного развития в художественном мышлении писателей «Серебряного» века.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она расширяет и обогащает наши представления об экзистенциальных мотивах модернистского творчества М.Ханафи сквозь призму западно-восточных философско-эстетических и литературных взаимосвязей и взаимовлияний.

Практическая ценность диссертации заключается в возможности использования основных ее положений в курсах по истории и теории татарской литературы, на спецкурсах и семинарах, посвященных изучению творчества М.Ханафи, при составлении программ и учебников по татарской литературе начала XX века, а также в школах, гимназиях, в средних специальных и высших учебных заведениях.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Экзистенциализм, как философия существования, сопутствовал человеческому обществу испокон веков. Проблемы достоинства и счастья человека, размышления о смысле жизни и смерти, ощущение трагизма бытия были в центре внимания древних цивилизаций, мировых религий, философско-эстетических, этических воззрений Средневековья и Нового времени. Экзистенциальные темы, относящиеся к вечной проблеме мировой культуры, приобретают исключительную актуальность в XX веке в эпоху кровопролитных войн и революций, нравственно-духовных потрясений. Они оказали и будут оказывать решающее влияние на художественное сознание американцев, европейцев, русских и других народов России и в XXI веке.

2. Татарская литература начала XX века составляет двуединое целое восточно-западных традиций, восходящих своими источниковедческими

корнями в коранистику, в арабскую, персидскую, тюркскую литературы мусульманского Востока, а также в различные модернистские течения европейской и русской литератур XIX – первой четверти XX в.

3. Одна из мощных ветвей модернизма — экзистенциализм — представлен различными модификациями философского и художественного отражения действительности. Самыми видными представителями экзистенциализма в татарской литературе первого десятилетия XX века были поэты-романтики С.Рамеев и Дэрдменд, а во втором десятилетии — прозаик Мухаммедханафи Кайбышев, трансформировавший на национальной почве философские воззрения древнегреческих и западноевропейских мыслителей Нового времени, а также литературно-эстетические концепции «Серебряного века» с выходом на духовные достижения мусульманского Востока.

4. Экзистенциальные мотивы рассказов М.Ханафи раскрыты в двух смысловых аспектах:

а) через антиномию Эроса (любовь) и Танатоса (смерть) с выходом на философско-эстетические и этические воззрения Штирнера, А.Шопенгауэра, Ф.Ницше, З.Фрейда и др.,

б) в духе стоической и платоновской трактовки философии любви и в стиле натурфилософов как торжество Эроса над Смертью, как величайшая ценность человеческого существования на земле и как пантеистическое единение в божественном мире.

Апробация результатов. Основные положения и результаты исследования отражены в 12 статьях, опубликованных в научных изданиях «Вестник Челябинского государственного педагогического университета» (2009), «Ученых записках КГУ» (2006, 2007), в журнале «Национальная культура» (2006, 2007), в различных литературоведческих сборниках, а так же озвучены в докладах и выступлениях на ежегодных итоговых научно-практических конференциях в КГУ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и научной литературы и приложения архивных материалов, касающихся биографии М.Ханафи.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность темы и научная новизна работы, определяются цель и задачи, объект и предмет исследования, его теоретико-методологическая основа, характеризуется состояние

изученности проблемы, излагается теоретическая и практическая значимость исследования, обозначается структура диссертации.

Первая глава называется «Биография Мухаммедханафи Кайбышева. Отчеты писателя о панисламизме и пантюркизме в охранку царского самодержавия». В начале данной главы по воспоминаниям современников и земляков, на основе материалов, сохранившихся в архивах Башкортостана и Татарстана, прослеживается жизненный путь писателя, выясняются отдельные неизвестные факты биографии М.Кайбышева.

Мухаммедханафи Кайбышев родился 1 (13) сентября 1889 года в деревне Чирши-Тартышево Бирского уезда Уфимской губернии в семье татарского дворянина — мурзы Саэтгали Кайбышева.

По своему происхождению Кайбышевы — из казанских татар, состояли в родстве с князьями Карачуриными. Родоначальник рода Кайбиш Узеев являлся активным участником татаро-башкирского восстания 1681–1684 годов. С начала XVIII в. Кайбышевы начали расселяться и по другим селениям Башкирии. В XIX в. Кайбышевы проживали в деревнях Сабаево, Карагушево, Расмекеево и Чирши-Тартышево (ныне Кушнаренковский район РБ). Проживавшим в д. Чирши-Тартышево, кантонным чиновникам Кайбышевым в XIX в. было пожаловано потомственное дворянство. К 1874 г. за Мухаметгареем Кайбышевым в окрестностях д. Новый Сухояш Бирского уезда числилось во владении 1598 десятин земли. Отец М.Кайбышева Саэтгали Кайбышев был одним из известных мурз Уфимской губернии второй половины XIX века¹.

Грамоте Мухаммедханафи обучается сначала у своего отца, затем в медресе. В 1902 году 13-летний Ханафи становится учеником Уфимской гимназии, а после успешного окончания ее в 1910 году поступает на медицинский факультет Казанского императорского университета. В 1912 году студент М.Кайбышев женится на дочери купца Уфимской губернии Магруй Бикташевой.

Среди татарской учащейся молодежи М.Ханафи отличался начитанностью, хорошим знанием восточно-мусульманской, европейской и русской культур. Его рефераты и выступления всегда вызывали большой интерес. Его близкими друзьями были Ф.Амирхан и Г.Ибрагимов. Между Г.Ибрагимовым и М.Ханафи велась оживленная

¹ Кайбышевы [Электронный ресурс]. — URL: <http://kaibyshevy.narod.ru/> (Дата обращения: 16.09.2009)

переписка, в которой они обсуждали проблемы татарской литературы, обменивались мнениями о собственных произведениях. Общеизвестно, что Г.Ибрагимов считал М.Ханафи талантливым писателем.

После окончания университета (1916) он работает офтальмологом. В том же году назначается преподавателем и председателем агитационной комиссии Казанского мусульманского комитета. В апреле 1917 года его арестовывают, а дальнейшая его судьба после освобождения из тюрьмы неизвестна. К сожалению, интеллектуалу М.Ханафи выпала незавидная судьба: он служил тайным агентом царской охранки. Возникает вопрос: почему он пошел на этот, не соответствующий его морали, шаг, по собственной ли воле, представляющей клубок противоречивых поведенческих установок, или его вынудили, и он стал жертвой общественно-политического давления, тысячекратно более сильного, чем мог вынести М.Ханафи?

Как известно, пробуждение на рубеже XIX – XX веков исламского мира, а, следовательно, мусульманского населения в России, вызвало серьезную обеспокоенность в правящих кругах самодержавия. Еще задолго до американского философа, политолога Самюэла Хантингтона, разработавшего теорию несовместимости культур и неизбежности межцивилизационных столкновений, министр внутренних дел П.А.Столыпин в начале XX века писал: «Для народа христианского столкновение с мусульманским миром знаменует борьбу государственную и культурную»¹. По его инициативе создается мощная агентурная сеть тайных осведомителей и наружных наблюдателей по борьбе «с крайне вредными» идеологическими течениями, такими как панисламизм, пантюркизм, национализм, получившими широкое распространение среди татар-магометан в противовес колониальной политике в России. Устанавливается тотальная слежка над всеми новометодными школами и медресе, татарской демократической печатью, культурно-просветительскими обществами, политическими партиями, известными писателями, религиозными деятелями. Чиновники местных жандармских управлений втягивают в эту неблагоприятную деятельность, отчуждающую человека от своего народа, около тридцати лиц из представителей образованной части татарской разночинной интеллигенции. По иронии судьбы среди них оказались два талантливых представителя татарской

¹ Архивные материалы Министерства внутренних дел Российской империи о мусульманском мире [Электронный ресурс]. --URL: <http://www.kennan.ru/index.php/corporate/layout/set/print/content/view/full/245> (дата обращения 26.06.2007).

модернистской литературы начала XX века: поэт Сагит Рамеев и прозаик Мухамметханафи Кайбышев.

Среди отчетов-обозрений, представленных «Теоретиком» (агентурный псевдоним М.Ханафи), особое место занимают его аналитические статьи о панисламизме и пантюркизме, оказавшиеся в те годы в центре внимания царской охранки, считавшей, что эти идеологические течения являются сепаратистской угрозой в разрушении государственных устоев Российской империи. В них М.Кайбышев раскрывает конкретное содержание понятий «панисламизм» и «пантюркизм», прослеживает их историю возникновения, называет имена видных зарубежных и русских представителей (Джамаледдин Афгани, Мухаммад Абдо, И.Гаспринский, Ю.Акчура, А.Агаев, Зыя Гек Алп, Г.Исхаки и др.). Представляют интерес суждения «Теоретика», рассматривающего проблемы панисламизма и пантюркизма в соотношении с понятием «нация», «национализм» с учетом вопросов и ответов на анкету «Как нужно понимать нацию?» («Милләтне ничек ауларга кирәк?»), проведенную журналом «Аң» по инициативе Г.Ибрагимова. Среди множества ответов, присланных в редакцию по национальной проблематике, М.Ханафи находит научно-убедительными ответы студента Казанского университета Г.Губайдуллина.

Статьи М.Ханафи о панисламизме, пантюркизме и национализме глубоки по содержанию и во многом созвучны с выступлениями тех авторов, которые освещали эту проблему на страницах татарской периодической печати в 1910-е годы, а также в трудах о пантюркизме отечественных историков рубежа XX – XXI веков Р. Мухамметдинова¹, И. Гилязова², С. Червонной, писавшей о том, что «Идеология пантюркизма может стать важнейшей опорой российской государственности, сослужив незаменимую службу русскому народу, демократическим движениям и прогрессивным силам других народов»³.

В заключении первой главы подчеркивается, что сотрудничество с охранкой оставило глубокий экзистенциальный след в творчестве М.Ханафи. Рассказы его насыщены душевными метаниями человека,

¹ Мухамметдинов Р. Ф. Зарождение и эволюция тюркизма: (из истории политической мысли и идеологии тюркских народов; Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ 70-е гг. XIX в.–90-е гг. XX в.) / Р. Ф. Мухамметдинов.—Казань: Замаң, 1996.—242 с.

² Гилязов И. А. Тюркизм: становление и развитие (характеристика основных этапов): учеб. пособие для студентов-тюркологов / И. А. Гилязов.—Казань: КГУ, 2003.—51 с.

³ Червонная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории [Электронный ресурс] / С.Червонная.—URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/cherv_pant.php (дата обращения: 17.09.2009)

М.Ханафи. Рассказы его насыщены душевными метаниями человека, вынужденного принять эту негативную экзистенцию как данность бытия, и оказавшегося в конфликтной ситуации с самим собой и окружающим миром. Однако эта «черная нить», вплетенная в биографию писателя, в сюжетную и художественную канву его произведений, не в состоянии вычеркнуть из истории татарской литературы яркие модернистские рассказы, нэсер-эссе М.Ханафи, подаренные ему мудрой природой и светлым разумом.

Вторая глава — «Общественно-политические, научно-философские взгляды М.Ханафи» — состоит из трех параграфов.

Первый параграф назван «*Статьи М.Ханафи, посвященные проблемам древнегреческой философии*». М.Ханафи — автор ряда научно-теоретических трудов по истории религий, философий, культур и литератур. Об этом свидетельствует цикл его статей «Жизнь и философия» («Хэят вә фәлсәфә», 1913), посвященный истории Древней Греции и Древнего Рима. Обращение к философской тематике он объясняет духовными запросами татарской нации, ее стремлением к прогрессу, необходимостью более глубокого познания действительности. Цикл статей он начинает с освещения зарождения философии Древней Греции. Успешное ее развитие он объясняет в духе принципов культурно-исторической школы: удобным географическим расположением, благоприятными природными условиями, теплым климатом.

М.Ханафи выделяет три периода философии: первый — изучение сотворения мира, что он иллюстрирует на примере материалистической философии Анаксимена, Анаксимандра, Фалеса. Второй период греческой философии — это исследование природы и духовного состояния человека; третий — систематизация достижений греческой науки Демокритом, Аристотелем и Платоном.

Отдельную главу он посвящает философии Пифагора о числах 1, 3, 4, 5, 6, 7 и подчеркивает их связь с философскими системами Индии и Ирана, а также пишет о влиянии его трудов на философские воззрения Платона и Аристотеля. М.Ханафи отдельно выделяет культуру Древнего Рима, которая в своем развитии опиралась на языческую мифологию Греции и на этико-религиозные учения Конфуция, буддизма, зороастризма.

Во втором параграфе «Статьи, переводы и рассказы в прозе (нэсер) писателя, посвященные истории религий и пророков» анализируются труды автора «Хэзрәте Гайсә» («Иисус Христос», 1914) и «Хэзрәте Мөхәммәд» («Пророк Мухаммед», 1914).

рической личностью, подарившей мировой цивилизации великое Возрождение с его универсальной философией любви, нравственной красотой, а также новых человеческих канонов и верований. Чтобы подчеркнуть божественность Иисуса Христа, автор постоянно обращается к натурфилософским и светоносным образам, навеянным греческой философией и Священной Книгой христиан — Библией.

М.Ханафи утверждает, что религия ислама признает всех пророков, поэтому он считает возможным ознакомить татарского читателя с биографией и деяниями Иисуса Христа.

По мнению М.Ханафи, появление каждого пророка на земле было божественным чудом, обогатившим жизнь людей духовными ценностями и гуманистическими поступками. Он убедительно доказывает это переводом статьи-очерка о пророке Мухаммеде известного английского публициста, историка, философа Т.Карлейля «Герои и героическое в истории». Вступление и заключение к статье написаны самим М.Ханафи. Их содержание, по утверждению журналиста И.Рами, свидетельствует о том, что М.Ханафи получил основательные знания в мусульманском медресе. М.Ханафи, полемизируя с европейцами, отрицательно относящимися к личности Мухаммеда, противопоставляет им мусульман, в Священной Книге которых об Иисусе постоянно говорится с уважением. Автор, ссылаясь на труд Т.Карлейля, подчеркивает гениальность помыслов, нравственную чистоту, надежность, доброту Мухаммеда, отвергает слухи, порочащие его. По мнению М.Ханафи, труд Т.Карлейля помогает объективно оценить роль Мухаммеда в истории человечества.

Мотив божественного происхождения человека, соотнесенный с темой земной возвышенной любви, раскрывается в нэсер-эссе «Деньяга килдем» («Родился на свет», 1913). Доминирующей в нем является кораническая эстетика света. Следуя за сурой 24:35 «Аллах есть свет земли и небес», М.Ханафи рисует метафорический образ аз-Зат, т.е. божественной субстанции, обращаясь к светоносным образам солнца и звезд: «Творец-аз-Зат полностью соткан из света. Волосы его украшены звездами, а лучезарные глаза напоминают солнце». После замены Творцом сердца ребенка новым, он духовно перерождается и начинает смотреть на мир другими глазами. После его духовного возрождения вся живая природа исполняет торжественный гимн во славу Эроса-любви, мир охватывает всеобщее оживление и воодушевление, т.е. гилозоизм. Происходит пантеистическое единение земли с космосом и божественным началом. Все это завершается появлением пифагорейской гармонии небес — изумительной музыки, «потрясшей землю, распространяющейся по

космическим просторам» («Ул жирне тетрәтеп, галәмгә таралганы ишетелә иде»).

Третий параграф второй главы «*Статьи, очерки, рассказы и эссе М.Ханафи*» начинается с анализа статьи «Хатын — кем?» («Кто она — женщина?», 1914), посвященной «великой теме экзистенциализма» (Н.Аббаньяно) — свободе женщины, то есть показу бесправия, дискриминации женщины в любви, семье и обществе. Автор не доволен тем, что и «в эпоху великих перемен» мировое сообщество остается «историей мужчин», что их превосходство и доминирование наблюдается во всех сферах социокультурной жизни: «Почему же законы выносятся лишь одними мужчинами, и они же — хозяева всей мировой цивилизации? Почему же женщины лишены всех этих прав?»

М.Ханафи как натурфилософ сравнивает власть мужчин над женщинами со страшным природным катаклизмом: бушующим, кипящим от урагана морем, поднимающим людей, как щепки, то высоко в небеса, то бросающим обратно вниз, на дно моря, на съедение морским хищникам. Он приводит множество примеров, ограничивающих свободу и права женщин из истории древневосточных цивилизаций египтян, индийцев, китайцев, греков, арабов; цитирует высказывания о женщинах Платона, Шопенгауэра, Ницше, Жана Стюарта Милля, Канта, Ибсена, Достоевского; приходит к заключению, что место женщины всегда и повсюду было на задворках истории. Она интересовала мужчин только как биологический пол, как предмет поклонения красоте, воодушевляющей на творческий труд.

В эмансипации женщин, в уравнивании их прав с мужчинами М.Ханафи большие надежды возлагает на художественную литературу. По его мнению, в защите свободы женщин достигли успеха европейские литературы. Он доволен тем, что в татарской литературе появились произведения поэтов и литераторов, требующих свободы для женщин. Он уверен, что по этой же стезе пойдут и другие литературы Востока. Статья завершается призывом: «Свободу — рабам, хлеб — голодным, свободу — женщинам».

Женская проблематика оказывается и в центре рассказа, переведенного из Штирнера «Тәңре каршысында» («Перед богом», 1914). Героиня рассказа дважды обращается к Богу с жалобой и просьбой наказать мужей-извергов, избивающих своих жен и выбрасывающих их на улицу. Однако Бог отказывает в выполнении просьбы, напоминает ей о ее грехах. Он призывает женщин быть терпеливыми и воспитывать нравственность черствых и жестоких мужей своей собственной святостью и любовью, вложенными в их сердца. В содержании

святостью и любовью, вложенными в их сердца. В содержании произведения прослеживаются следы учения христианства о непротивлении злу насилием и основа философии стоиков — терпение.

Женская тема по мотивам народных сказок о взаимоотношениях злой мачехи и падчерицы освещается и в рассказе «Айсылу» (1912). До М.Ханафи этот сюжет с проекцией на образ царицы Сююмбике и утерянную татарами государственность был разработан в романтическом рассказе Ф.Амирхана «Ай өстендә Зөһрә кыз» («Дева Зухра на луне», 1913). Однако М.Ханафи этот фольклорный сюжет о падчерице переработал в духе модернистской литературы в связи с актуальным для экзистенциализма мотивом духовной свободы человека. Айсылу хочет играть со своими сверстниками, собирать на лугу цветы, сидеть у журчащего серебряными брызгами родника, любоваться утренней зарей, первыми лучами солнца, петь красивые песни, радоваться жизни. Однако ее удел — тяжелый физический труд, постоянные побои мачехи. Будучи образом, созданным М.Ханафи по принципам стоицизма, Айсылу, сохраняя самообладание и терпение, ни с кем не пререкается, ни на кого не держит зла. Отчужденная от общества, она живет в пантеистическом единстве с сочувствующей ей, болеющей за нее и всеодушевленной в духе натурфилософского гилозоизма природой. Не зная, как спасти любимую от несчастий, за ней по пятам ходит ее тень — «тень Платона» — одержимый любовью безымянный молодой человек.

Вынужденная однажды мачехой ночью пойти за водой к роднику, уставшая и отчаявшаяся Айсылу, устремив взор в небеса, просит Луну избавить ее от несправедливостей земного бытия. Искушавшаяся в серебряных лучах Луны, падчерица превращается в излучающую яркий свет звезду и улетает в подлунный мир, где находит долгожданную свободу и счастье. Лунное сияние, слившись со светом счастья красавицы Айсылу, начинает озарять полный слезами и страданиями миллионов ее дочерей и падчериц мир землян.

Рассказ «Айсылу» — классический образец татарской модернистской литературы начала XX века, синтезировавший в себе традиции татарского фольклора с разнородными философско-эстетическими концепциями: натурфилософией древних греков, нашедшей отражение в прекрасных описаниях природы с ее пантеизмом и гилозоизмом; учением стоиков о мужественном терпении, иллюстрированном дважды на примере образа Айсылу; подлунным миром, изображенным Аристотелем теорией эманации и эстетикой света; «платоновской тенью» — платонической любовью юноши; аллюзией на «Алиф» — образом Богини красоты из лирики С.Рамеева; шопен-

художественное целое, чарующее красотой Слова и изобразительно-выразительных средств. Не случайно рассказ «Айсылу» получил высокую оценку Г.Ибрагимова.

Третья глава диссертации, состоящая из двух параграфов, названа «Особенности отражения экзистенциальных мотивов в рассказах М.Ханафи о любви».

В первом параграфе «Синтез литератур Востока, Европы и русского «Серебряного века» в рассказах М.Ханафи» подчеркивается, что доминирующим мотивом является антиномия Эроса (Любовь) и Танатоса (Смерть) — самых сильных человеческих переживаний, которые трудно заключить в строгие рамки ума. Этот мотив диссертантом рассматривается на примере анализа рассказов и нэсеров «Ул яшь, бик яшь иде» («Он был еще слишком молод»), «Сөю — жәллад» («Любовь — палач»), «Чишмә һәм жәллаб» («Родник и змея»), «Бер гөл бакчасында» («В цветущем саду»), «Мәхәббәт» («Любовь»), «Мәгъшука» («Возлюбленная»), «Сәгадәт» («Счастье»), «Сәгадәт турысында» («О счастье»), «Шулай ди яз көннәре» («Так говорят весенние дни»). Например, рассказ «Ул яшь, бик яшь иде» («Он был еще слишком молод», 1913) всецело построен на экзистенциальных переживаниях, связанных с темой любви и смерти. В нем повествуется о молодом человеке, жаждущем высокой любви. После долгого отсутствия, испив чашу страданий, он вернулся в родные края, привлек внимание своих сверстников жизнерадостностью, веселым и радушным характером.

В тенистом уголке сада юноша встречается со своей светлолицой, черноокой сестрой, сообщающей ему горестные вести об измене возлюбленной, смерти отца, ушедшего из жизни с проклятиями в его адрес. Однако, услышав все это, молодой человек несколько не расстроился, наоборот, успокоился и тут же расхохотался гордым «ницшеанским смехом». На следующий день друзей юноши потрясла весть о том, что он покончил с собой, приняв яд.

Понять смысл и проанализировать рассказы М.Ханафи, которые основаны на философско-эстетических воззрениях и символично-метафорических образах, довольно сложно. Нередко они напоминают своеобразные головоломки на философские темы.

Перед недоумевающим читателем автор ставит риторический вопрос: что же стало причиной внезапного добровольного ухода героя из жизни? От непредсказуемого поступка героя рассказа веет философией иррационализма и агностицизма. Трудно интерпретировать гибель героя по канонам рационалистической эстетики, как и объяснить с точки зрения

религиозной этики и психоанализа Фрейда. При всех наших догадках, логических умозаключениях причина внезапной смерти героя, искусно спрятанная в контексте рассказа, остается недоступной человеческому пониманию.

На антиномии любви и смерти построен и рассказ «Сөю — жәллад» («Любовь — палач», 1913), в котором речь идет о безымянном юноше-гордеце, страстно влюбленном в красавицу. Как в литературах мусульманского Востока, любовь его изображается двухступенчато, как болезнь и междунство (сумасшествие). Однако при многократных встречах юноша даже не пытается признаться своей возлюбленной. Не желая быть ее рабом, он отказывается принять от любимой цветок. Как у философов-агностиков, причина смерти героя-гордеца и в этом рассказе остается недоступной нашему познанию. Так, не позволив себе сказать возлюбленной ни разу «люблю», он как солипсист, проявив свою сверхчеловеческую ницшеанскую волю, покидает этот мир. Как и в философии Штирнера и Ницше, для героя, живущего в мире эгоизма и эгоцентризма, любовь существует лишь в его собственном сознании, как и воля к смерти.

Образы влюбленных, созданных в духе сильных ницшеанских героев, также в центре внимания рассказа «Мәхәббәт» («Любовь», 1913). Главный герой — схожий с романтическими героями Руссо юноша-пастух уходит от неразделенной любви в горы и пантеистически сливается с природой. Согласно философии Платона (любовь — источник вдохновения) и психоанализа З.Фрейда (искусство — это сублимированное либидо¹), одержимость в любви превращает бывшего пастуха во вдохновенного певца любви. Он возвращается в родные края известным певцом. Дочь падишаха, еще недавно отвергнувшая его самого и подаренный им букет цветов, сама предлагает ему — «многоголосому соловью» — свою любовь. Несмотря на то, что он любит свою бывшую возлюбленную в стократ сильнее, чем прежде, он гордо покидает ее со словами: «Сама же разожгла огонь, так и гори в нем сама. Я тебя не люблю». Аналогичные сюжеты можно обнаружить и в стихотворении С.Рамеева «Перчатка», и повести М.Кабилова «Мәхәббәттән жырлар кала» («От любви остаются песни»).

Очень часто в произведениях М.Ханафи любовь описывается в натур-философском аспекте, во взаимодействии и взаимосвязи с явлениями природы в духе гилозоизма и пантеизма. Это можно проследить на

¹ Сублимированное либидо — превращение энергии полового влечения в культурное творчество.

примере рассказа «Чишмә һәм жәллаб» («Родник и змея», (1913). К серебряному ключу с чистой студеной водой подползает змея и, несмотря на стенания родника, отравляет воду. К роднику приходят томимые жаждой влюбленные, сбжавшие из гарема султана. Девушка, испив воду, мгновенно умирает. При виде гибели возлюбленной глаза юноши наливаются кровью и он, как человек, сошедший с ума от великой радости, начинает громко хохотать «нищепанским смехом». Через минуту труп юноши лежит рядом, обняв мертвую возлюбленную. Смерть юноши напоминает философию Ницше: «убивают не гневом, а смехом». Образ змеи в рассказе амбивалентен: одновременно он выступает как символ добра и как символ зла. В рассказе М.Ханафи змея — символ зла — по-своему совершает добрый поступок, спасая возлюбленных от мучительной казни за их побег. Действие змеи и ее хладнокровное умозаключение напоминает философию Ибн Рушда о двойственности истины. Схожее заключение о смерти девушки и юноши делает и Д.Загидуллина, заявляя с точки зрения теософии Е.П.Блаватской: «В мире нет абсолютного зла. Зло может совершиться и в позитивных целях»¹.

Оригинален по содержанию и мотивам рассказ М.Ханафи — «Бер гөл бакчасында» («В цветущем саду», 1915), композиционно состоящий из пяти миниатюрных эссе о красоте земной природы, противопоставленной в духе руссоистской эстетики и экзистенциальной философии бытию людей с их мучениями и страданиями.

В первой миниатюре в сад, изображенный как райский уголок с белыми, розовыми, красными розами и поющими соловьями, спускаются старик со старухой. У них потухшие глаза, на лицах глубокие морщины. Вырастив восьмерых детей, уставшие от непосильного физического труда, доведенные до порога смерти, они с проклятиями покидают этот цветущий сад, символизирующий бытие. Им кажется, что эти цветы и соловьи только издеваются над ними, увеличивая их душевную боль. Следуя философии Шопенгауэра, автор утверждает, что человека постоянно преследуют нужда и забота о существовании, так было всегда из поколения в поколение.

Шопенгауэровская мысль, что человеческая жизнь всегда и при любых обстоятельствах является лишь страданием, проводится и во второй миниатюре, посвященной теме любви, переплетенной с социальными мотивами. Через какой-то отрезок времени в том же прекрасном

¹ Загидуллина Д. Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы / Д.Загидуллина. — Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. — Б. 68.

саду девушка сообщает возлюбленному, что из-за неуплаты долгов отца ее насильно выдают замуж за дряхлого старика.

Об истории несчастной любви, случившейся в том же саду, доведшей молодого человека до сумасшествия, рассказывается и в третьей миниатюре. Как экзистенциальные герои первых двух миниатюр, и здесь влюбленный юноша заявляет, что «Мир — злая отравка. Он людей только обманывает, он — тюрьма, он — палач-кровопийца».

В том же саду, прослушав историю трагической любви о смерти жениха «юной красавицы с длинными волосами», дэрвиш-мудрец, как бы ссылаясь на постулаты труда Шопенгауэра «Мир как воля и представление», заключает: «Любовь — нет ее, это только пустая мечта человека от неразумности. Земля — нет ее! Мир — нет его!». Таким образом, в рассказе в «Одном прекрасном саду» в духе философии «вечного возвращения» Ницше, нашедшей отражение в труде «Так говорил Заратустра», четырежды иллюстрируется, что жизнь людей состоит из постоянно возобновляющихся человеческих страданий, мучений и смертей.

Пятая, заключительная, миниатюра является как бы антиномией к предыдущим частям рассказа. В ней земля рисуется как прекрасный сад, утопающий в солнечных лучах с буйно цветущими розами и заливающимися соловьями, в котором живут красавицы и влюбленные юноши, не знающие, что такое страдание и смерть. Из сада слышатся возгласы влюбленных, опьяненных счастливой жизнью, напоминающих ницшеанский образ жизнерадостного Диониса: «Мир светел! Мир жизнерадостных! Мир влюбленных!».

С парадоксальной антиномии и риторического скептицизма начинается глубоко лирическое и экспрессивное эссе «Мэгъшука» («Возлюбленная», 1913): «Говорят, что ты есть, ты — един, но я не верю» («Бар син, бер син — дилэр, мэгэр мин ышанмыйм»). Читатель, хорошо знающий основы религии ислам, может подумать, что в данном случае речь идет о непризнании монотеизма (эт-Тәүхид), т.е. Единственности Аллаха, выраженного коранической формулой «Нет бога, кроме Аллаха» («Лә иләһә илләаллах»). Прочитав произведение, состоящее из четырех миниатюр, нетрудно прийти к выводу, что в нем нет никакого атеизма, неверия в Аллаха; речь идет о любви и возлюбленных, перед божественной красотой которых преклоняются все: «...и шахи, и цветочные сады, выращенные в их честь, и птицы, поющие о красоте любимой».

«Ты делаешь врагов рабами, ты — луч, ты оживляешь мертвых, омолаживаешь стариков, возвышаешь слабого». Однако лирическому

герою кажется, что в мире нет такой великой истины, названной любовью. Как агностик, он сомневается в существовании такой живительной силы, как любовь, и многократно повторяет антиномичное суждение: «Говорят, что ты есть, ты — един, но я не верю». Такая антиномичная форма выражения скептицизма в эссе М.Ханафи была излюбленным художественным приемом и у поэтов «Серебряного века».

В каждой миниатюре, являющейся частью потока сознания, переживания влюбленных передаются в натурфилософских образах, срощенных с пантеизмом и гилозоизмом. Например, от песен безумно влюбленного юноши природа одушевляется и приходит в состояние экстатического гилозоизма: «...перестают петь птицы, успокаивается море, застывают ветры». Аналогичная интерпретация философии любви доминирует и в эссе «Шулай ди яз көннәре!» («Так говорят весенние дни!», 1913), написанном как продолжение эссе «Возлюбленная». В нем автор отказывается от скептической и агностической трактовки любви и образа возлюбленной, переходит на позиции пантеизма, близкого к материализму: «Теперь я не сомневаюсь в твоём существовании, — заявляет лирический герой, — так как Ты — это Я...». Для него возлюбленная — «Богиня», возвышенный идеал. Здесь не трудно обнаружить и интертекстуальные связи со стихами С.Рамеева и пантеистической любовной лирикой Востока. Эссе завершается пантеистическим гимном во славу любви, соединяющей землю с бесконечными просторами Вселенной: «Ты — Я... / Ты — бесконечная Вселенная... / Так говорят весенние дни» («Син — Мин... / Син — бәтен чиксез галәмсең... / Шулай ди яз көннәре»).

Во втором параграфе «Особенности художественного отражения философии стоицизма в произведениях М.Ханафи» анализируются рассказы, в которых прослеживается философия стойков, основанная на терпимости и экзистенциальных мотивах.

Стоицизм — одна из самых популярных философских школ Древней Греции, затем Рима, просуществовавшая с III века до н.э. до III века н.э. и оказавшая большое влияние на развитие философской мысли вплоть до наших дней. Известные представители: Зенон, Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий и др. Главное в их учении: человек должен жить в согласии с природой, повинаясь разуму, соблюдая высокую нравственность, стойко перенося жизненные испытания. Стоические идеи пронизывают многие произведения М.Ханафи. Они проникают в них, во-первых, через непосредственное обращение к трудам античных философов, а с другой, через опосредованное воздействие философско-эстетических воззрений русских писателей «Серебряного века», увлекавшихся идеями стоицизма.

Рассказ-эссе «Мәрмәрә диңгезе буенда» («На берегу Мраморного моря», 1914) — яркая иллюстрация художественного преломления стоических идей, сращенных с экзистенциальными мотивами. События происходят на берегу Мраморного моря, где встречаются и влюбляются, согласно теории стоиков о «космической симпатии», студент-медик Касим и девушка Фатимаи Зухра, приехавшая сюда на лечение из Сибири. Девушка больна неизлечимой болезнью — проказой. Это сообщение девушки Касим воспринимает со стоическим спокойствием. Мотив спокойствия, появившийся в начале рассказа, вырастает до лейтмотива и фокуса, вобравших в себя в единое целое разнородные стоические начала. Образ Касима соответствует мудрецу — этическому идеалу стоиков. Он — будущий врач, хорошо представляет, что ожидает впереди Фатымаи Зухру и его самого. Зная все это, Касим подчиняется законам природы и своей судьбе, выбирает путь добродетельного отношения к своей возлюбленной. Стоическое восприятие его любви к Фатимаи Зухре выражается в словах: «Я полюбил тебя с первого взгляда и преклоняю колени перед твоим горем. Когда я узнал о твоих душевных страданиях, я полюбил твои адские муки. Пусть мое истерзанное от горя сердце будет для тебя жертвой».

Через два года Фатимаи Зухра умирает. Касим, заразивший себя проказой, мужественно воспринимая судьбу, живет в ожидании своей смерти: «Каждый вечер превращается для меня в ожидание смерти. Все дороже становится память о Фатимаи Зухре. Я спешил к ней, мне казалось, не успею наглядеться на нее. С каждым днем в моих глазах она превращалась в нечто вечное, священное». Так в художественную ткань эссе вплетаются экзистенциальные думы о жизни, любви и смерти.

Аналогичный сюжет разрабатывается и в рассказе «Үлгәндә» («Умирая...»), 1916), в котором автор в духе философии стоиков проводит мысль о том, что любовь сильнее смерти. Герой рассказа Сулейман, будучи неизлечимо больным, приезжает в башкирские степи на кумыс. Он тоскует по своей возлюбленной Газизе, также обреченной на смерть. Вскоре он получает последнее письмо, в котором она говорит о приближающейся кончине. Но это ее не пугает, поскольку Газиза верит в их встречу в потустороннем мире, т.е. в пантеистическое единение, а значит и в продолжение любви. Ей вторит и Сулейман: «Для меня самый дорогой божественный дар — это то, что и после смерти я не разлучусь с тобой». Все происходит согласно учению стоиков — «условие счастливой жизни — освобождение человека от внешнего мира».

В рассказе «Кайдан? Кайда?» («Откуда? Куда?», 1916) описывается судьба трех молодых людей, которых когда-то объединяла дружба. Затем каждый из них выбрал свой жизненный путь. Тимур, посвятив жизнь поискам истины, хочет стать сильной личностью ницшеанского типа, но его идеалы остаются неосуществленными. В конечном счете, согласно философии стоиков, он кончает жизнь самоубийством, ибо в этом «всепожирающем беспредельном потоке жизни нет и не будет ничего нового»¹.

Второй герой рассказа — Батыр. Он — милосердный, терпеливый по природе, и так же, как Тимур, занят поисками смысла жизни. Батыр задается шопенгауэровским вопросом, что такое земное существование: сон или явь? Сойдя с пути истины, он тоже добровольно, как агностик, покидает этот мир.

Третий герой, находясь в тюрьме, долго ищет ответы на вопросы: как и почему это с ними случилось. Ответа он не знает. Не реализовав себя на свободе, он находит желанный покой в неволе: «Сейчас я сижу в тюрьме. Мне не тяжело, т.к. я нашел то, что искал. Если меня выпустят на волю, я умру. И ничего, кроме смерти, меня отсюда не вызволит. Только умирая, я стану поистине свободным». Как истинный стоик, он находит свободу только в собственном внутреннем мире: «... Моя душа так спокойна, что, даже если рухнет мир, я свой покой не утрачу».

Отражение философии стоиков наблюдается и в статье-некрологе «Вақытсыз сүнгән яшьлек» («Безвременно угасшая молодость», 1915) посвященной памяти рано ушедшего из жизни талантливого поэта Саидгарая Еникеева. В ней автор дает краткие сведения о биографии и творчестве поэта, анализирует его неопубликованную поэму. Статья представляет интерес во многих отношениях: ее можно считать образцом символической критики, построенной на импрессионистическом мироощущении. Короткий творческий путь С.Еникеева писатель сравнивает с яркой звездой, только на миг засиявшей на небосклоне татарской поэзии. В духе философии Владимира Соловьева М.Ханафи рассматривает особенности эстетических взглядов поэта, характеризуя их как поклонение красоте природы и людей. Величие молодого поэта С.Еникеева он видит в его высоких поэтических мыслях, волнующих душу переживаниях, украшающих просторы Вселенной идеалах. Следуя за стойками, он утверждает мысль, что поэты на пути служения нации должны быть

¹ Стоики и стоицизм [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.5ballov.ru/referats/preview/28619/6> (дата обращения: 18.07.2009)

высоконравственными. В статье М.Ханафи подробно знакомит читателя с содержанием романтической поэмы С.Еникеева, рассказывающей в образах-символах о заключенных в тюрьму язычниках, требующих свободы и света. Немалое место в описании тюрьмы и освобождении из него язычников занимают светоносные образы неоплатонической эстетики. Значительную роль в раскрытии содержания поэмы играют всеодушевленные натурфилософские образы природы, восходящие к стоицизму. Например, после обращения к Всевышнему с просьбой об освобождении весь мир всеодушевляется, приходит в движение: бурлит море, кипят волны, гудят голоса, наступает рассвет, разверзаются небеса, разрушаются каменные стены. Тем самым осуществляется главное этическое требование стоиков жить разумно по законам природы и космоса.

В заключении подведены итоги проведенного исследования и сформулированы основные выводы.

Мухаммедханафи Кайбышев — талантливый представитель татарской модернистской литературы начала XX века. В его многочисленных экзистенциальных рассказах, нэсер-эссе, публицистических статьях, посвященных философскому осмыслению темы любви, женской проблематике и судьбе нации, нашли отражение интеллектуальные поиски национальной интеллигенции, жаждущей обновления социокультурной и духовной жизни татар.

М.Ханафи был знатоком истории мировой культуры, религий и философии. Им был написан цикл статей о философских воззрениях древних греков, в которых он размышляет об источниках греческой философии, определяет основные этапы и проблемы ее развития, анализирует взгляды Анаксимена, Анаксимандра, Фалеса о сотворении мира, учение Пифагора о числах, подчеркивает огромную роль Платона и Аристотеля в систематизации достижений древнегреческой науки и философии.

О знании писателем древнегреческой философии свидетельствуют насыщенность его произведений натурфилософскими образами, частое обращение к платоновской философии любви и добра, к гуманистической морали о мужестве и терпимости, навеянных философией древнегреческих и римских стоиков Зенона, Сенеки, Эпиктета и Марка Аврелия.

В журнале «Аң» М.Ханафи печатает статьи о пророках Иисусе («Хэзрәте Гайсә») и Мухаммеде («Хэзрәте Мөхәммәд»), в которых отмечает их великую миссию в духовном возрождении истории человечества. На примере их жизни рисует образец совершенного человека для последующих поколений христиан и мусульман.

вечества. На примере их жизни рисует образец совершенного человека для последующих поколений христиан и мусульман.

Экзистенциальное творчество М.Ханафи представляет синтез философско-эстетических и литературных традиций Востока и Запада. Он сумел органично сочетать в нем эстетические, этические традиции восточных литератур с философскими и литературными концепциями европейской и русской литератур. Излюбленный экзистенциальный мотив его произведений — антиномичное отражение самых сильных человеческих инстинктов — Эроса (Любовь) и Танатоса (Смерть).

У М.Ханафи имеется цикл рассказов, в которых философия любви отражается в духе древнегреческих натурфилософов, стоиков и платоновской идеи блага (добра). Их идейно-художественные особенности нами были проанализированы на примере его рассказов и нэсеров. Немаловажную роль в художественном освоении натурфилософских, стоических, эстетических и этических воззрений сыграли произведения русских писателей и мыслителей русской литературы «Серебряного века».

Проза М.Ханафи, пронизанная экзистенциальными символами, метафорическими образами, ждет дальнейших исследований в контексте с «русским Ренессансом» (Н.Бердяев), то есть с точки зрения философских воззрений и этических концепций писателей русского «Серебряного века».

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В ведущем рецензируемом журнале ВАК:

1. Мирсияпова, Т.И. Экзистенциальные мотивы в творчестве М.Ханафи / Т.И.Мирсияпова // Вестник ЧГПУ.—2009.— № 8.—С. 184–190.

В различных научных сборниках:

1. Ганиева, Р.К., Мирсияпова, Т.И. М.Хәнәфи ижатында экзистенциаль мотивлар / Р.К.Ганиева, Т.И.Мирсияпова // Милли мәдәният.—2006.—№ 10.—Б. 7–15.

2. Мирсияпова, Т.И. М.Хәнәфи ижатында модернистик мотивлар / Т.И.Мирсияпова // Проблемы истории и теории тюркских и финно-угорских языков: межвузов. науч. студ. конф.: сб. докл.—Казань, 2004.—С. 31–33.

3. Мирсияпова, Т.И. М.Хәнәфинәң Томас Карлейльдән Мөхәммәт пәйгамбәр турындагы тәржемәсе / Т.И.Мирсияпова // Милли мәдәният.—2006.—№ 9.—Б. 35–36.

4. Мирсияпова, Т.И. М.Хәнәфи борынгы грек философиясе турында / Т. И. Мирсияпова // Милли мәдәният.—2006.—№ 12.—Б. 14–17.

5. Мирсияпова, Т.И. Экзистенциальные мотивы в творчестве М.Ханафи / Т.И.Мирсияпова // Образование и наука: итоговая конф. по науч.-исслед. деятельности Казан. гос. ун-та за 2006 г.: сб. материалов. Ч. II. Гуманитарные науки.—Казань, 2006.—С. 48–49.

6. Мирсияпова, Т.И. М.Хәнәфинен «Бер гөл бакчасында» нәсерендә яшәү фәлсәфәсенен чагылышы / Т.И.Мирсияпова // Милли мәдәният.—2007.—№ 13.—Б. 8–11.

7. Мирсияпова, Т.И. М.Хәнәфи нәсерләрендә мэхәббәт мотивлары / Т.И.Мирсияпова // Филологическая наука конца XX – начала XXI в.: проблемы, опыт исследования, перспективы: материалы Всерос. науч.-практич. конф., посвящ. 75-летию проф. Л.Ш.Арсланова.—Елабуга, 2007.—С. 11–18.

8. Мирсияпова, Т.И. М.Хәнәфинен «Бер гөл бакчасында» нәсерендә экзистенциаль мотивлар / Т.И.Мирсияпова // Фәнни язмалар – 2006.—Казан, 2007.—Б. 273–280.

9. Мирсияпова, Т. И. М. Хәнәфи әсәрләрендә экзистенциаль мотивлар / Т. И. Мирсияпова // Научно-образовательная деятельность учащихся в условиях реформирования среднего и высшего образования: тез. докл. II респ. науч.-практич. конф. учащихся им. И. Я. Курамшина.—Казань, 2008.—Б. 34–35.

10. Мирсияпова, Т. И. М.Хәнәфинен «Мин төш күрдем» нәсере / Т.И.Мирсияпова // Научно-образовательная деятельность учащихся в условиях реформирования среднего и высшего образования: тез. докл. II респ. науч.-практич. конф. учащихся им. И.Я.Курамшина.—Казань, 2008.—Б. 35–37.

11. Мирсияпова, Т.И. М.Хәнәфи — философ / Т.И.Мирсияпова // Фәнни язмалар – 2007.—Казан, 2008.—Б. 189–194.

Подписано в печать 16.11.2009.
Формат 60 x 84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,75. Тираж 100 экз. Заказ № К-8

Отпечатано
в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ
420111, г. Казань, ул. Лобачевского, д. 2/31, т. 292-76-59

